

ПЛЕЙЛИСТ

Billie Eilish — WILDFLOWER

Dead Lakes — wrong way

Gigi Perez — Sailor Song

New Candys — Twin Mime

Chloe Ament — The Water Is Fine

Chase Atlantic — The Walls

Billie Eilish — CHIHIRO

Boston Manor — England's Dreaming

Barns Courtney — Babylon

YONAKA — Don't Wait `Till Tomorrow

Sunsleep — Dive

*Ма енгинн ренна undan því sem honum er skarað.
Никто не избежит того, что ему предназначено.*

Исландская пословица

Помню, май в Германии был одним из моих любимых периодов. Если в марте еще мог выпасть снег, то последний месяц весны пах сладкими цветами и заряжал воздух надеждой на приближающиеся летние дни. Даже редкие дожди не портили нашего с Ксивер и Рейвен настроения. Учитывая, что мы были любопытными детьми, каждый прожитый миг напоминал сказку.

Но то была Германия.

Май в Исландии пах смертью.

Накинув на голову капюшон, я быстро шел по заваленной мусором улице во второй сектор. Солнце заливало Рейкьявик тусклым светом, отчего полуразрушенные здания отбрасывали на разбитый асфальт длинные тени. Изгнанники плелись рядом со мной, шаркая потертыми ботинками, и напоминали заведенных кукол — с пустыми лицами и такими же пустыми сердцами.

Во втором секторе находился самый большой завод по производству бронированных машин, где они и работали. После катастрофы монополия начала процветать: все деньги и власть находились в руках одной крупнейшей компании, которая, по моим предположениям, отчисляла круглые суммы Центру Эволюционного Совершенствования.

Корпорации, контролировавшей мир.

Бронированные машины могли приобрести только командиры подразделений, в то время как правители не отказывали себе в дорогостоящих легковых автомобилях. Остальные передвигались по городу либо на своих двоих, либо на поездах, которые раз в пару месяцев сходили с рельс из-за негодности.

Удивительная во всех смыслах Исландия стала металлической коробкой, выбраться из которой равнялось смерти.

Бросив незаметный взгляд из-под капюшона, я дождался, когда изгнанники оставят меня позади, и юркнул в пустующий переулок. Куртка, которую дал мне отец, выглядела так, будто ее носили лет двадцать, поэтому они принимали меня за своего.

Только вот я был другим.

Я был сильнее их всех вместе взятых. Я мог по мановению руки обрушить на них небо, мог призвать силу любой из плеяд или натравить на них теневого тварей, уничтоживших половину мира.

Я был *амалийцем* — чудовищем или чудом, в которое меня превратили пять лет назад.

Вот моя история. Болезненная, грязная и наполненная запахом несбыточных мечтаний. История, финал которой предугадать было практически невозможно.

Оказавшись через пятнадцать минут на скрытой подземной парковке, я неторопливо огляделся. На полу валялись спущенные шины, пространство наполнял приятный запах машинного масла, а пробивающиеся внутрь лучи солнца подсвечивали в воздухе пылинки.

Найти это место было практически невозможно: здание торгового центра располагалось за городом и было наполовину разрушено после Падения, а про подземную автостоянку никто не вспоминал. Поэтому здесь было относительно безопасно.

Вдруг вдалеке послышался какой-то шум.

Я же сказал *относительно*, верно?

Спрятав нижнюю половину лица черной тканью, я достал из-под пояса джинсов пистолет и скрылся за углом.

Неужели кто-то нашел их? Невозможно. Сегодня второй сектор патрулировал отряд Феникса: движение держалось в тени благодаря этому мужчине. Никто не мог пробраться сюда, оставшись незамеченным им.

Когда вдалеке послышалась легкая поступь, я поднял пистолет и принялся ждать.

Шаг.

Шаг.

Шаг.

Вынырнув из-за угла, вскинул руку и направил дуло на человека.

А он направил его на меня.

— Господи, — выдохнул я с возмущением, различив знакомые прищуренные глаза. — Что ты здесь делаешь?

Роксания закинула за спину автомат и опустила маску.

— Я встречала провизию, но вот что здесь делаешь *ты*? — ответила вопросом на вопрос, встряхнув копной шоколадных волос. — И убери, пожалуйста, оружие. Не сомневаюсь, что ты можешь пристрелить меня.

С каждым словом с ее губ срывалось облачко пара. Роксания смотрела на меня с настороженностью, будто я на самом деле мог вогнать ей пулю в лоб.

Что было недалеко от правды.

Невесело хмыкнув, я отвернулся и направился к массивным железным воротам.

— Ты не собираешься отвечать мне?

— Я был в городе.

— Зачем?

Постучав по железу три раза, я уставился в одну точку и снова принялся ждать.

— Зачем ты ходил в город? — настойчиво повторила она, и ее голос раздался чуть ближе.

Отступать было некуда, а мне как никогда хотелось оказаться подальше от человека за спиной.

— Меня попросил об этом отец.

— Теперь мы общаемся односложно? Мне не нравится вытягивать из тебя слова, Крэйтон.

В груди поднялась волна раздражения. Последние дни я напоминал оголенный провод: любые высказывания Роксании или кого-либо другого, кроме сестры и подруги, выводили меня из себя.

Сделав успокаивающий вдох, я прикрыл глаза и медленно ответил:

— Отец попросил меня проверить дом твоей матери. После того как ее забрали в подземный город, Альтинг заявился в первый сектор.

— Т-ты... ты был там?

Я даже не удивился, что она не хотела показывать мне обратную сторону своей жизни. Это было похоже на Роксанию — скрывать грязь за идеально выстроенным фасадом. Однако если бы она знала меня лучше, то поняла бы, что мне плевать.

И не только потому, что я не хотел находиться в ее компании.

Я не впервые видел разбросанные по дому вещи, которые источали не самый приятный запах. Не впервые лицезрел горы невымытой посуды и не впервые ходил по холодному полу, потому что отопление в комнатах было минимальным.

— Да, Роксания. Я был там.

Она на пару секунд замолчала.

Спасибо.

Затем ее пальцы мягко сжали мое предплечье.

— Послушай...

— Нет! — Я как обожженный вырвался из ее хватки, отступив на пару шагов. Наши взгляды снова встретились, и мне пришлось приложить все усилия, чтобы не разорвать зрительный контакт. — Нет. Я все тебе сказал, Роксания.

Ее глаза наполнились болью, но я не позволил щемящему чувству в груди разрастись и обрести плоть. Никогда больше я не дам этому человеку управлять собой.

Сдавшись, Роксания покачала головой и выдавила:

— Скажи хоть, как дела в первом секторе.

Безопасная тема. Это нам подходит.

— Альтинг не знает, что твою маму забрали Каратели. Они обыскали весь дом, но ничего не нашли. Возможно, думают, что она была не в себе и сбежала, поэтому ищут ее по всему кластеру.

— Они ее никогда не найдут, — твердо произнесла Роксания. — Только не здесь.

Я кивнул.

Она собиралась сказать что-то еще, но за металлическими воротами раздались шаркающие шаги. Отлично. Я мечтал находиться где угодно, только не здесь.

Когда ворота распахнулись, в проеме показалось знакомое лицо.

— Привет, Капитан Америка, — усмехнулась Астрид.

Я не по своей воле расплылся в широкой улыбке. Она проковыляла ко мне, а затем обняла так крепко, что я чуть не задохнулся.

— Привет, Баки, — удалось прохрипеть мне в ее взлохмаченные волосы. Астрид и взлохмаченные волосы — несопоставимые понятия. — Швы разойдутся, если будешь так обниматься. Вообще-то, мне нужен помощник, чтобы спасти мир.

Она захихикала, уткнувшись мне в грудь.

После всего произошедшего сначала в Акюрейри, а потом в штаб-квартире ЦЭСа между нами протянулась прочная нить поддержки и взаимопонимания. Когда Астрид издавала предсмертные хрипы, заливая мои руки кровью, я думал, что этой девушке не выжить.

Так думали все.

Астрид находилась на грани жизни и смерти, поэтому даже сейчас напоминала воскресшего мертвеца — пепельная кожа, синяки под потухшими золотистыми глазами и рваный шрам на животе, ко-

торый залечивали ремалийцы-целители. Только благодаря им Астрид все еще находилась здесь.

Она сказала, что я — ее спаситель, Капитан Америка, а она стала Баки — моим верным помощником.

— Привет, Рокс, — пропела Астрид, отстранившись от меня, и уперла руки в бока. — Ублюдок Феникс спрашивал, почему ты так долго. Я бы поджарила его молнией, но сама понимаешь: у меня небольшие проблемы.

Астрид обвела пальцем свое побитое лицо, и Роксания подавила смешок. Пройдя мимо нас, она двинулась по затемненному коридору.

— Провизию доставят через пятый сектор сегодня вечером, — сказала Роксания, когда Астрид закрыла ворота, вбив несколько цифр в интерком, и мы поспешили в подземный город. — Феникс может засунуть свои ворчания себе в задницу. Я знаю его от силы две недели, а он уже трахнул мне мозг.

Я понимающе усмехнулся.

Да, Феникс трахал мозги всему движению, но именно за это, по всей видимости, его и уважали.

— Знаете, мама всегда говорила: мужчины только и делают, что пытаются приструнить женщин. Сначала я ей не верила, но потом узнала своего отца, а теперь и этого гадкого повстанца, — презрительно бросила Астрид. — Хотите услышать, как он назвал меня сегодня утром?

— Не особо, — пробормотала Роксания.

— Ваше Величество, — все равно выплюнула она. — С чего этот нищий мальчик, возомнивший себя мужчиной, решил, будто может тыкать в меня моим же положением? Я виновата, что родилась в семье аристократов?

— Уж он-то точно не напоминает мальчика, — ответил я, завернув за угол.

Под ногами хлюпала застоявшаяся вода, коридоры становились все шире, поэтому даже в полумраке я понял, что мы приближаемся к входу в подземный город.

Астрид ткнула меня локтем в бок и прошипела:

— Ты вообще на чьей стороне?

Я примирительно вскинул руки.

— Всегда на стороне Баки.

— А еще твоя мама говорила, что тебе нужен человек, который усмирил бы твой отвратительный характер, — вклинилась Роксания, и я услышал в ее словах улыбку. — Ты сама мне об этом рассказывала.

Астрид отшатнулась.

— Не смей даже намекать на то, что мне нужен такой человек, как Феникс. Ты предательница, Роксания Нуар!

Точнее и не скажешь.

Пока они переговаривались, я смотрел под ноги и старался подготовиться к встрече с отцом. Я сам напросился в город: сначала Исайя отдал приказ осмотреть первый сектор Фениксу, но после часа уговоров все же отпустил меня без дополнительного сопровождения.

Мне нужно было отвлечься. Мне нужно было выбраться из места, где я провел последние две недели, словно в тумане.

Как только мы втроем прошли несколько одинаковых коридоров, обитых железом, и открыли массивные ворота, нас поглотил хаос. И этот хаос представляло собой революционное движение Карателей.

Да, я тоже до сих пор пребывал в шоке.

Они скрывались прямо под носом властей — точнее, под их ногами. Сотни ветвистых переходов тянулись под Рейкъявиком, пока Альтинг уверял, что подземный город уничтожен. Нет, он был более чем действующим и находился сейчас прямо перед моими глазами.

Меня затопил шум голосов: в просторном помещении, напоминающем склад, толпилось несколько десятков человек. Слева были расставлены мишени и груши для тренировок, справа прямо в полу зиял разлом, под которым виднелась натянутая сетка. Чтобы оказаться на нижнем этаже, где располагались спальни, нужно было прыгнуть прямо в яму.

— Привет, Крэйтон! — поприветствовала меня какая-то девушка, пока я шел в конец зала за Астрид и Роксанией.

Я вежливо улыбнулся и кивнул.

Затем какой-то парень похлопал меня по спине, другая женщина, чуть постарше, помахала мне со второго уровня склада. Раньше меня никогда не окружало так много человек, разделяющих... мой интерес? Мою позицию? Они приняли нас с Рейвен и Ксивер в свои ряды так быстро, словно мы всегда принадлежали их движению.

Хотя, если подумать, родители обрекли нас на это с самого рождения.

Спальни, ваннные комнаты, залы для тренировок и складские помещения — лишь малая часть того, что представлял из себя дом революционеров. Это место одновременно поражало и ужасало. Здесь жили и изгнанники, и родственники Карателей, которые сбежали с Литла-Храуна, и обычные гражданские, принявшие сторону оппозиции.

Во все это нас посвятили родители и Феникс.

Мне потребовалось несколько дней, чтобы прийти в себя. Во-первых, Роксания усыпила меня, из-за чего я находился в отключке трое суток. Во-вторых, как только я открыл глаза, меня встретило знамя с механической птицей.

Каратели.

Они существовали.

И наши родители были их лидерами.

Тряхнув головой, я вернулся в настоящее. Астрид тоже каждый раз удивлялась всему увиденному, поэтому сейчас пробормотала:

— Дам руку на отсечение, что мой папочка все волосы себе выдрал, когда узнал, куда подевалась его единственная дочурка.

— Ему нечего выдирать, Баки.

— Ну, знаешь, — задумчиво протянула она, — теперь, когда он стал временным верховным правителем, он может позволить себе накладные волосы.

Я тихо засмеялся.

— Так вот куда правительство сливает деньги.

— Кто сказал деньги? — раздался позади возбужденный голос.

Я показательно закатил глаза. Нагнав нас, Джулиан закинул руку мне на плечи, но сразу же сбросил ее и поморщил нос.

— Крэй-Крэй, что это за куртка? Мне и так плохо от недостатка красной икры в организме, так еще и ты маячишь в этих... обносках.

Я наградил его уничижительным взглядом.

— Ты хочешь, чтобы я разгуливал по сектору изгнанников в дизайнерском костюме?

Он закатил глаза и снова закинул руку мне на плечи.

— Не пойми меня неправильно, но я всю жизнь держал во рту золотую ложку, поэтому сейчас прохожу период акклиматизации.

— У него джетлаг, — поддакивала спереди Роксания.

— Имея — не ценим, а потерявши — плачем? — спросил я, когда мы остановились в конце зала и Астрид распахнула двери в просторный кабинет.

— Как с языка снял, Крэй-Крэй.

Джулиан, конечно, немного преувеличивал. Удивительно, но повстанцы жили не в нищете, а в хороших условиях. Мама говорила, что они привлекают силу создателей и воруют у правительства — провизию, одежду, бытовые вещи. Только в электричестве не было нужды: оно работало за счет кристаллов, добываемых подставными лицами в Сельфоссе.

В каждой спальне имелось чистое постельное белье, и даже несмотря на то, что в комнатах порой жили по пять-шесть человек, места хватало всем. Горячая вода, еженедельное обновление провизии, развлечения для детей. Каратели заботились о своих людях, поэтому считали удобство приоритетом.

Да, дети здесь тоже были. В конце концов, принадлежность к революционному движению не ограничивала людей в занятии сексом. Хотя не круто, наверное, родиться под землей.

Меня передернуло.

— Где Кси и Рейв? — спросил я, как только мы вошли в кабинет для переговоров.

— Рейвен спит, а Ксивер занималась с Зейдом и Джулсом. Ты же знаешь, ей нужно выпустить пар, — объяснила Роксания. Я не хотел, чтобы она мне отвечала, но ей, видимо, было плевать. — Она разнесет подземный город, если не направить ее гнев в нужное русло.

Плюхнувшись в кресло в углу кабинета, Астрид поморщилась от боли.

— Я ее понимаю. Все мы видели, что происходило между ней и Каем.

— Тебя это не расстраивает? — осторожно поинтересовался я.

Она помотала головой.

— Нисколько. Наш брак — обычная договоренность и довольно частая практика в аристократических семьях. После произошедшего про него можно забыть, потому что именно Джонатан выступал инициатором. К сожалению или счастью, между нами с Каем никогда не было чувств.

А теперь не было и самого Кая.

Он просто исчез.

Да, каждый из наследников догадывался о предстоящем эксперименте Трионы Марлоу и скрывал от нас правду. Как оказалось, Кай начал вспоминать первые опыты после знакомства с Ксивер. Эти со-

бытия стерли нам троим из памяти, но генетические коды наших организмов были настолько уникальны, что могли сопротивляться любым воздействиям.

Мы были особенными.

У Ксивер и Кая сработал некий триггер в лице друг друга. Они начали вспоминать те дни после того как познакомились, потому что их связывало общее прошлое. Кай рассказал о своих предположениях наследникам еще до Дня льда и огня, поэтому Астрид так плевалась ядом в Ксивер.

Она боялась, что моя сестра причинит ему боль.

Снова.

Астрид говорила *снова*, потому что Кай чувствовал боль, потеряв Ксивер после эксперимента. В его сердце, по ее словам, словно образовалась дыра. Я не знал, как к этому относиться. Мне хотелось убить Кая и поблагодарить за то, что он для нас сделал.

Но выигрывал все же первый вариант.

По словам Сиеры, их с наследниками отправили в академию, чтобы наблюдать за раскрытием нашей силы. Джонатан включил в уравнение Кортлэнда, потому что догадывался о следующем шаге Карателей и должен был остановить их с помощью доверенного лица.

Этим шагом оказалось вмешательство в симулятор профессора Ван Дер Берг.

Однако Алькастер не знал, что и Сиера, то самое доверенное лицо, пойдет против него.

Наследники скрывали от нас слишком многое, поэтому как только я проснулся и увидел склонившегося надо мной Джулиана, то впечатал кулак ему в лицо. А потом и в лицо Зейдену.

Ксивер до сих пор не простила их и держалась подальше даже от Блэквуда, хотя их связывала такая же нить взаимопонимания, как нас с Астрид. Мне тоже было тяжело понять их, но я... сделал это.

В конечном счете сейчас они были здесь, а не в академии. Они помогли нам спастись, а не отдали ЦЭСу на эксперименты. Да, эти люди ворвались в нашу жизнь как предатели, но судьба на то и судьба, что ее невозможно предугадать. Даже самые заклятые враги могут объединиться ради общей цели, даже самые ненавистные друг другу люди отдадут свои жизни, чтобы дышал другой.

Но если некоторых деталей Астрид, Зейден или Джулиан не знали, а Кая заставили их забыть, то Роксания знала все.

Абсолютно.

Конечно, она работала на Джонатана и Триону, чтобы защитить свою мать. Я принимал это — как и принимал то, что в итоге она выступила против них.

Но я не мог *простить* ее.

Господи, да это она — девушка, которой я отдал свое сердце, — собственными руками сделала из меня амалийца! Это она, черт возьми, следила за нами во время экспериментов! Это она заставила мою сестру пройти через ад, а я даже не догадывался об этом, пока целовал ее!

И она думала, что я просто возьму и закрою на это глаза?

Никогда в жизни.

— Нет новостей, где скрывается этот недоумок? — спросил Джулиан и начал мерить кабинет широкими шагами.

Они с Астрид были одеты в простые вещи, джинсы и свитера, в то время как Роксания экипировалась в военную форму ремалийцев. У многих революционеров имелись специальные костюмы, доработанные после Альтинга, и отец сказал, что им нужно будет сделать такие же для нас.

— Тишина, — ответила Роксания. — Прошло две недели. Марлоу скрылась с острова во время налета, а Кай просто пропал. Какова вероятность, что они... схватили его?

— Большая, — раздался вдруг еще один мужской голос.

Я вздрогнул, когда увидел в дверном проеме *его*.

Своего отца.

Отца, который катал меня в детстве на плечах.

Отца, который читал мне перед сном легенды о викингах.

Отца, который покупал мне зимой мороженое, пока мама не видела.

Отца, который бросил нас, скрылся на несколько лет с революционерами и даже весточки не послал. Который считался погибшим. Который был очень даже *живым*.

При звуке его низкого голоса внутри меня что-то умерло и тут же возродилось.

— Вы считаете, он с ними?

— Не могу сказать точно, Роксания, но вероятность и правда большая. У меня есть одно предположение, куда приведет его пропавшее, но поживем — увидим. Не буду тревожить вас раньше

времени. — Отец прошелся взглядом по всем присутствующим и остановился на мне. — Крэйтон, мы можем поговорить?

Я впервые посмотрел на его глаза. Добрые синие глаза, которые передались нам с Ксивер. Они были такими же, какими я их помнил, но сейчас человек передо мной не вызывал доверия. Он был другим. Чужим.

— Пойду проведаю маму, — нашлась Роксания и в упор посмотрела на Джулиана и Астрид.

Йенсен вопросительно приподнял бровь.

— Пойду. Проведаю. Маму, — отчеканила она, бросив выразительный взгляд на дверь.

— А-а-а, — протянул Джулиан. — Маму. Да-да, точно. А нам с Астрид нужно... М-м-м, что нам нужно?

— Господи, просто пошли, — прошипела Астрид, клешнями вцепившись в его предплечье.

Их троих из кабинета как ветром сдуло. Отец тихо засмеялся себе под нос, двинувшись к массивному столу.

Я тяжело соглотнул, не зная, куда деть руки. Сначала засунул в карманы, потом провел влажными ладонями по джинсам. В итоге опустил вдоль тела и оглядел комнату — обычная и ничем не примечательная. Однотонные стены, стол со стульями, кресло в углу и несколько стеллажей.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил отец, опустившись на стул.

Он задавал мне этот вопрос каждый день.

— Я в порядке.

А я каждый день отвечал одно и то же.

Он постучал пальцами, испещренными шрамами, по столу.

— Хорошо.

Его вьющиеся пшеничные волосы были слегка подернуты сединой, половину лица усыпали старые отметины, но отец и правда выглядел как предводитель революции. В сорок пять лет он обладал спортивным телосложением, его спина всегда была идеально выпрямлена, а в глазах наряду с характерным добродушием теперь считывалась нотка жестокости.

— В первом... — Я неловко откашлялся. — В первом секторе все довольно спокойно. Не думаю, что они будут искать Абель. Спасибо, что приняли ее.

— Это Роксания должна говорить тебе спасибо, — мягко прервал меня отец. — Мы предлагали помощь ее матери с тех пор, как она связалась с нами, но эта девушка слишком горда, чтобы показать свое затруднительное положение.

Я медленно подошел к столу и сел напротив.

Хоть ярость затапливала сердце каждый раз, когда Роксания смотрела на меня своими большими глазами лани, наполненными виной и агонией, я хотел помочь сохранить ее семью. Она сопротивлялась, но после короткого разговора все же согласилась забрать маму подальше от Альтинга.

— Когда это началось?

В эти дни у нас с отцом было мало времени, чтобы пообщаться. А насущных тем для разговора было много.

Я поднял взгляд от своих ладоней и посмотрел ему в глаза. В уголках его губ появились морщинки, когда он растянул их в мимолетной улыбке.

— Когда мы начали готовиться к наступлению? — переспросил он, на что получил утвердительный кивок. — Кай и Роксания связались с нами за пару дней до ваших заданий на горячих точках. По всей видимости, Джонатан передал им приказ от Марлоу и рассказал о последней фазе.

Брови отца слегка нахмурились. Задумавшись, он провел ладонью по подбородку.

— Тогда они вышли на нас, и мы начали разрабатывать план действий. Только убийство верховного правителя и побег Трионы в него не входили.

Я хрустнул от нервов костяшками.

Помню, на одном из занятий кто-то позвонил Роксании, после чего она несколько минут смотрела в окно пустым взглядом. Я знал это выражение лица: она вспоминала что-то болезненное. Тогда мне казалось, будто это как-то связано с ее мамой.

Черт. Нужно было действовать раньше.

Однако я не сделал этого, потому что был ослеплен Роксанией.

Происходящее сейчас напоминало затишье перед бурей. Альтинг объявил о смерти Джонатана на следующий же день, но вина легла не на Кая и не на Карателей. Правители боялись рассказывать обществу о том, какой силой являются революционеры, поэтому списали все произошедшее на несчастный случай.

Инсульт.